
**НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ**

**ЭКОНОМИКА РАЗНООБРАЗИЯ: ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ,
РЕЗУЛЬТАТЫ***

© 2015 г. Ш. Вебер, Д.В. Давыдов

(Москва)

В статье рассматриваются основные идеи, подходы и методы изучения феномена разнообразия с позиции современных экономических исследований. Затрагиваются исторические, социокультурные и политико-правовые аспекты формирования представлений о многообразии общества. Основное внимание уделяется экономическому подходу, позволяющему раскрыть влияние разнообразия на социально-экономическое развитие. Приводится краткий обзор научных результатов, полученных в Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы (РЭШ) в 2013 г.

Ключевые слова: разнообразие, социально-экономическое развитие, глобализация, этнолингвистические группы, индексы неоднородности.

Классификация JEL: F63, J15, Z10.

ВВЕДЕНИЕ

Основной тенденцией современных экономических исследований является поиск закономерностей и причинно-следственных связей и исследование возможного прямого и опосредованного влияния рассматриваемых факторов друг на друга. Такие исследования имеют преимущественно частный характер, а их результаты улавливают только “эффекты первого порядка”, не учитывая глубинных опосредованных взаимных зависимостей.

Накапливаемые таким образом сведения об окружающем мире позволяют постепенно расширять поле наших знаний и предвосхищают новый качественный скачок в развитии экономической науки на этапе синтеза результатов других общественных наук. Одним из значимых шагов в развитии данной тенденции является происходящее переключение внимания исследователей на неоднородность факторов экономической и социальной жизни, учет которых позволяет существенно улучшить качество теоретических моделей и эконометрических оценок и открывает новые возможности для более глубокого описания социальных отношений на различных уровнях взаимодействия – от малых групп и рабочих коллективов до этносов, стран и межгосударственных союзов.

В данной работе под *разнообразием* понимается *совокупность факторов неоднородности и свойств* субъектов действия, разделяемых по одному или нескольким признакам, среди которых – географические, климатические, экономические и др. факторы, этническая принадлежность, владение языками, общность культуры и т.п.

Множественность факторов неоднородности общества позволяет рассматривать различные аспекты разнообразия в социально-экономических, политических, культурных сферах деятельности. А потому целью данной статьи является раскрытие сущности разнообразия во всем широком спектре его проявлений, а основными задачами – выделение и обоснование причин, формирующих разнообразие в обществе, и оценка влияния разнообразия на социально-экономические отношения между различными субъектами действия (отдельными людьми, группами, сообществами, странами). В статье также содержится краткий обзор научных результатов, полученных в 2013 г. в Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы (РЭШ).

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, грант Правительства РФ (договор № 14.U04.31.0002).

ФЕНОМЕН РАЗНООБРАЗИЯ В ЭКОНОМИКЕ И ОБЩЕСТВЕ

Прежде всего уточним два важных обстоятельства, связанных с темой представленных здесь исследований.

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что все обсуждаемые в статье проблемы рассматриваются с точки зрения позитивного экономического анализа и не должны быть проецированы в плоскость нормативных суждений. Сформулированные положения и результаты анализа отражают выявленные факты социального взаимодействия людей в условиях многообразия общества и не предполагают непосредственных рецептов действий в правовой или политической сфере.

Во-вторых, требуют предварительных пояснений также и некоторые терминологические нюансы. Термин “разнообразии” используется авторами как наиболее удачный перевод, лишь частично отражающий полное содержание исходного английского слова *diversity*. С одной стороны, такой подход отсылает нас к часто используемой аналогии социального разнообразия с разнообразием биологическим, откуда, собственно, это слово и вошло в обиход специалистов по социальным наукам (Odum, Odum, 1953). С другой стороны, наряду с этим термином в российской науке используется термин “многообразие”, в большей степени подчеркивающий не различия, а множественность форм проявления разнообразия. Словосочетание *cultural diversity* в современных словарях переводится как “культурные различия”, а иногда заменяется синонимом “мультикультурализм”, хотя последний термин имеет нормативный оттенок и чаще используется в прикладных дискуссиях.

Осознание разнообразия общества присуще практически всем культурам и цивилизациям. В древней столице Японии Киото над входом в храм Хигаси Хонган-дзи (яп. 東本願寺, англ. Higashi Honganji) посетителей встречает надпись: “Жить вместе в разнообразии. Учиться принимать наши различия”. Девиз Европейского союза можно перевести как “Согласие в многообразии” (лат.: *In varietate concordia*) либо как “Единство в разнообразии” (англ.: *United in diversity*).

Приведенные примеры различных переводов и трактовок отражают сложность обсуждаемой темы. Особенность изучения разнообразия заключается в том, что каждый исследователь, основываясь на собственном опыте, социальном и культурном окружении, может вложить в понятие “разнообразии” субъективное понимание. Одновременно широкий диапазон подходов к описанию разнообразия создает значительный потенциал для исследования данного феномена. Акцентируя внимание на отдельных аспектах проявления разнообразия, можно получить большое количество новых результатов, важных и с теоретической, и с практической точек зрения.

С формальных позиций разнообразие в экономических исследованиях можно трактовать как переход от широко известного “репрезентативного агента”, подменяющего все сообщество некоторым набором усредненных характеристик, к множеству агентов с различными индивидуальными и групповыми свойствами. Признание факта разнообразия среди агентов, принимающих решения, а также выявление и явный учет факторов неоднородности сообщества позволяют не только получать более качественные теоретические модели, но и использовать их результаты в прогнозировании социально-экономического развития рассматриваемого общества.

Осознавая, что изучение разнообразия человеческого бытия включает учет различий в культуре, этносе, владении языками и многих других характеристиках, необходимо выделить три важных практических вопроса:

- 1) проблема (само)идентификации групп;
- 2) определение размеров соответствующих групп;
- 3) количественная оценка различия (“расстояния”) между группами.

Часто используемое понятие “этнолингвистическая группа” по сути является нестрогим и противоречит определению М. Хечтера (Hechter, 1974), согласно которому “этничность, скорее, определяется чувством единения с другими людьми в группе на основе общей культуры и доверия, а потому характеризует качество отношений, существующих между людьми, разделяющими единые представления о культурном поведении”. Язык также может являться связующим фактором, но общность языка не всегда означает этническую общность. Однако, по мнению Г. Бреттона (Bretton, 1976), язык обладает двумя важными свойствами – универсальностью и по-

стоянством – во многом потому, что он всесторонне отражает индивидуальность человека, говорящего на конкретном языке. Именно поэтому родной язык является одной из наиболее важных характеристик принадлежности к культурной группе.

Попытка идентифицировать отдельные культуры по признаку государственных границ также может вызывать очевидные затруднения. Многие границы возникли под воздействием большого числа различных исторических событий, поэтому часто одна страна представляет несколько различных этнических, языковых и религиозных групп, а их географическое распределение подчас может не совпадать с официальными границами государств.

В работе (Cavalli-Sforza, 2000) показана роль географической неоднородности в формировании генетического и, как следствие, языкового и культурного разнообразия.

Более систематическое исследование (Michalopoulos, 2012) на основании данных по 142 странам показывает, что число языков, на которых сегодня говорят в этих странах, можно объяснить следующими основными факторами:

- 1) среднее значение и вариация высоты территории страны над уровнем моря;
- 2) среднее значение и вариация качества сельскохозяйственных земель;
- 3) площадь территории страны;
- 4) средняя плотность населения в XVI в.

Первые два фактора имеют существенное положительное влияние на число языков: и один, и второй косвенно свидетельствуют о числе относительно локализованных, изолированных друг от друга поселений. Третий фактор также положительно сказывается на количестве языков, распространенных на соответствующей территории.

Наконец, четвертый фактор, косвенно отражающий уровень экономического развития 500 лет назад, статистически отрицательно связан с числом языков. Последнее может иметь два альтернативных объяснения: либо экономически развитые страны и территории внесли свой вклад в сужение сегодняшнего языкового разнообразия, либо, напротив, меньшее языковое разнообразие в Средние века способствовало большему экономическому развитию.

ВЫЯВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ И ЯЗЫКОВЫХ ГРУПП

Первое широкомасштабное, последовательное и всестороннее исследование этнического и языкового разделения стран и народностей предприняла группа примерно из 70 советских этнографов из Научно-исследовательского института этнографии АН СССР в СССР (в настоящее время Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН). Полученные ими результаты были опубликованы в Атласе народов мира (1964) и базировались преимущественно на языковых различиях и историческом происхождении различных этнических групп (Атлас народов мира, 1964). Несмотря на то что примерно в это же время за рубежом были построены аналогичные базы данных (Roberts, 1962; Muller, 1964), данные советских ученых долгое время оставались одним из наиболее важных источников для исследований, касающихся этнического и языкового разнообразия. В частности, на основании этих данных были рассчитаны различные индексы этнолингвистической раздробленности, обозначаемые в зарубежной литературе аббревиатурой ELF (Ethnolinguistic Fractionalization).

Уже в настоящее время А. Алесина с соавторами расширили и существенно переработали известные данные, разделив этнические и языковые аспекты фракционализации (Alesina et al., 2003). Они смогли построить три отдельные базы данных, определяющие языковую, этническую и религиозную принадлежность народов мира, и выделить в них 1055 языковых групп в 201 стране, 650 этнических групп – в 190 странах и 294 религии (религиозных течения) – в 215 странах. В дальнейшем удалось расширить соответствующие базы данных до регионального уровня примерно для 100 стран (Alesina, Zhuravskaya, 2011). Кроме того, в работе Д. Фирона (Fearon, 2003) собраны данные о 822 этнических и этно-религиозных группах в 160 странах, для которых автор вычислил индексы этнического и культурного разнообразия.

Информацию о принадлежности к той или иной группе можно получить, используя социологические опросы либо официальные данные переписи. И здесь всегда возникает проблема персональной самоидентификации. Ответы могут не соответствовать действительности по многим причинам. В частности, опрашиваемый может не пожелать сообщить действительную информацию о своей этнической группе или религии, и даже о своем родном языке, если он связан с этнической принадлежностью. Таким образом, оценивание размеров отдельных этнических групп является сложной задачей, поскольку исходные данные почти всегда являются неполными и к тому же содержат ошибки измерений.

Группы также непостоянны по размеру и составу. Причиной этого могут быть гражданские войны, этнические чистки, межрегиональная миграция, а также такие более тонкие причины, как изменения самоидентификации в силу изменяющейся общественно-политической ситуации. Ярким примером тому может служить Сомали (Alesina et al., 2003), где до гражданской войны 1991 г. общество считалось достаточно однородным (85% населения причисляли себя к сомалийцам). После войны на территории страны сформировалось несколько независимых кланов, и население стало причислять себя лишь к одному из них. К аналогичным последствиям могут привести и события, происходящие в настоящий момент на территории Ливии. После “арабской весны” в Египте сейчас меньше коптов, чем ранее, поскольку они вынуждены скрывать свою принадлежность к этой религиозной группе. Соответствующие изменения в данных приводят к проблеме эндогенности: группы и подсчитанные для них индексы различия подвержены влиянию общественно-политических и экономических событий, которые они, как обычно предполагается, должны объяснять.

Другой важной проблемой является определение оптимального уровня агрегирования. Полагать ли, что итальянцы – единый этнос, или все же стоит их разделять на венецианцев, сицилийцев и т.д.? Чтобы избежать слишком высокой степени агрегирования, при которой сформированная большая группа теряет свои специфические черты, имеет смысл выделить как можно больше различных групп (что является дорогим удовольствием), а затем попарно сравнить все группы и объединять те из них, у которых различия пренебрежимо малы. Это, в свою очередь, ставит закономерный вопрос о том, с помощью каких формальных методов оценивать различие (“расстояние”) между группами.

Третьей проблемой является наличие конкурирующих (либо неконкурирующих) групп. Относительная важность группы с точки зрения межгрупповой конкуренции не всегда пропорциональна ее численности, и выявление фактического веса группы требует дополнительных усилий исследователей.

Четвертая важная проблема – пространственное распределение групп. Д. Познер (Posner, 2004) указывает, что политическое и экономическое влияние группы может неоднозначно зависеть от того, сконцентрированы ли члены группы в некоторой части страны или распределены по всей ее территории. Данная проблема перекликается с наблюдаемой практически во всех мегаполисах мира естественной сегрегацией на основе этнических, расовых, языковых или экономических характеристик.

Наконец, обсуждаемые далее индексы разнообразия, если их применять отдельно, не всегда позволяют учесть все особенности разделения групп по различным параметрам. Поэтому на практике применяют совокупность индексов разнообразия (этнического, языкового, религиозного и др.), прибегая при необходимости к их агрегированию.

ВЫГОДЫ И ИЗДЕРЖКИ РАЗНООБРАЗИЯ

Разнообразие является фактом нашей жизни, желаем мы этого или нет, нравится оно нам или не нравится... Классический экономический подход к изучению разнообразия заключается в аккуратном и корректном сравнении выгод и издержек фактически имеющегося разнообразия, сложившегося в том или ином сообществе.

Наличие в обществе различных языковых или этнических групп способствует формированию более диверсифицированной деловой и общественной среды, а это, в свою очередь, часто привлекает творческих личностей, фирмы и капиталы. Взаимное дополнение умений и навыков

рабочей силы часто с лихвой перекрывает издержки межкультурной коммуникации. Европейский союз на сегодняшний день состоит из 28 стран, и практически в каждой из них люди говорят на своем языке. В Австралии мирно соседствуют люди, говорящие на 207 языках, а в США – на 364 языках, если принимать во внимание малые языковые и этнические группы.

Согласно А. Саксениан (Saxenian, 1999) успех Силиконовой долины во многом обязан разнообразию культурного наследия и профессионального опыта ученых и предпринимателей из Индии, Китая, России, Израиля, стран Европы.

Другой положительный пример приводит Р. Флорида (Florida, 2002), оценивающий влияние разнообразия на развитие высоких технологий в городах США. В частности, выбирая в качестве показателя разнообразия число деятелей искусства, родившихся за пределами США, автор ранжировал 50 американских городов и убедился в положительной связи разнообразия населения с более высокими значениями других индикаторов роста городов, включая долю творческих работников, наличие высокотехнологичных производств, число патентов на душу населения.

Еще одним косвенным свидетельством положительного влияния разнообразия является работа Ж. Оттавиано и Ж. Пери (Otaviano, Peri, 2006), в которой выявлена положительная связь между уровнем средней заработной платы и степенью разнообразия населения в США.

Существует также большое число аргументов не в пользу разнообразия. Самый важный из них состоит в том, что разнообразие часто способствует возникновению конфликтов и является если не причиной, то поводом для противопоставления в борьбе за ресурсы или преференции. Примеры отрицательного влияния разнообразия на стабильность и социально-экономическое развитие можно найти во многих уголках планеты. Наиболее часто наблюдаемым нами конфликтам как в истории, так и в настоящее время сопутствуют этническая, конфессиональная либо лингвистическая неоднородности общества.

Важно отметить, что конфликты подобного рода часто порождаются причинами экономического характера. Обострение борьбы за ограниченные ресурсы из состояния здоровой конкуренции между отдельными агентами перерождается в противостояние групп, объединяемых на основе одного-двух наиболее простых, очевидных признаков. И очень важную роль здесь, очевидно, играют общность языка, этноса или религиозных воззрений.

Одновременно с этим разнообразие, приводящее к конфликтам, ухудшает социально-экономическое положение общества. Печальные примеры таких процессов исследованы в работах (Mauro, 1995; Easterly, Levine, 1997; Alesina et al., 2003; La Porta et al., 1999; Alesina et al., 1999), где с помощью теоретических моделей и эконометрических методов подтверждаются следующие основные соотношения: этническая и лингвистическая фрагментация общества снижает эффективность институтов, качество государственного управления и способствует росту коррупции. Высокая же степень разнообразия в целом отрицательно влияет на экономический рост, что особенно характерно для стран Африки: этническая фрагментация общества часто ведет к политической нестабильности, избыточному и неэффективному расходованию государственного бюджета, росту бюджетного дефицита и одновременно меньшему уровню расходов на основные общественные блага, включая образование.

Универсальный экономический рецепт оценки выгод и издержек предполагает нахождение баланса, некоторого теоретически оптимального уровня разнообразия или форм его проявления, которые способствуют, а не препятствуют социально-экономическому развитию. Однако теоретическое описание такого оптимального уровня разнообразия влечет за собой и более сложный вопрос о потенциальной возможности влиять на степень разнообразия или формы его проявления, который имеет не только чисто экономическую, но также и этическую составляющую.

ПОЗВОЛИТЕЛЬНО ЛИ УПРАВЛЯТЬ РАЗНООБРАЗИЕМ

Феномен разнообразия наблюдается во многих областях жизни. Представление о разнообразии впервые сформулировано по отношению к проблемам экологии в работе (Odum, Odum, 1953), и в дальнейшем оно распространилось не только в области биологии, но также и в социальных науках, включая экономику.

Стремление сохранить разнообразие в природе можно рассматривать как осознанное управление с учетом действующих механизмов эволюции. Вмешательство в глобальные процессы эволюции может быть оправдано лишь тем, что регулярная деятельность человека на планете сама по себе наносит существенный ущерб экологии и смещает заложенные природой эволюционные равновесия. Поэтому поддержание разнообразия можно оценивать как корректирующее управление, призванное компенсировать возмущения, вызванные активной эксплуатацией природы со стороны человека.

В таком контексте попытки сохранить социальное и культурное разнообразие на первый взгляд кажутся странными, так как трудно выделить явные возмущения в системе социальных отношений и межкультурного взаимодействия, компенсацией которых можно было бы оправдать осознанное создание барьеров в коммуникации ради сохранения имеющегося разнообразия культур и обществ. Но это – только на первый взгляд.

Необходимо аккуратно разделять потребности в кросс-культурной коммуникации, заложенные внутри того или иного общества, и влияние современных процессов глобализации. Ярким примером здесь служат обмены студентами. Если студент выбирает зарубежный вуз ради того чтобы окунуться в новую для него культуру и ощутить на себе влияние культурных различий, мы можем рассматривать данное поведение как обусловленное внутренней потребностью общества, в котором студент находился на момент принятия решения. Если же он решает учиться за рубежом ради карьеры и своего будущего престижного положения, то по отношению к такому действию необходимо применять экономическую оценку выбора и рассматривать его как следствие процессов интеграции и глобализации, навязанных современными экономическими отношениями.

Другими словами, глобализация, возникшая как результат развития наднационального бизнеса, т.е. имеющая экономические корни, в целом способствует сужению разнообразия и в этом смысле действует аналогично тому, как человек действует по отношению к природе. Глобализация экономики, всемирная озабоченность ростом ВВП оказывают материальное давление на духовную идентичность людей. Именно поэтому стремление к сохранению разнообразия культур и сообществ можно понимать как компенсационную меру по отношению к процессам глобализации.

Стоит отметить, что история знает немало случаев активного управления разнообразием, и не всегда в пользу его сохранения. Яркий пример этому – процессы распространения христианства, начиная с времен Крестовых походов и заканчивая деятельностью современных евангелистских миссионеров в странах Азии, Африки, Южной Америки.

В современном мире большое внимание уделяется цели поддержания разнообразия, при этом в качестве основного критерия здесь выбирается не экономический, а этический контекст. В частности, не приветствуется поддержание культурных (религиозных, культовых) традиций и обрядов, если они противоречат современным представлениям об этике и морали (жествоприношение людей и животных, нанесение увечий за проступки и т.п.).

Ярким примером, когда разнообразие является предметом управления, служит задача выбора официальных языков в многоязыковом сообществе. Европейский союз демонстрирует иерархический подход к принятию такого решения, обозначив приоритет лингвистического разнообразия по сравнению с экономическими аргументами. Поэтому в ЕС все основные официальные документы переводятся на 24 официальных языка государств, невзирая на издержки обеспечения этого решения.

В то же время с экономической точки зрения баланс затрат и выгод требует аккуратной оценки альтернативной стоимости данного решения, а именно, какие издержки предстоит нести населению в случае сокращения перечня официальных языков. Аккуратное измерение здесь возможно, только если уметь количественно оценивать сложности изучения различных языков – причем в зависимости от степени их сходства или различия. Теоретические подходы к количественному измерению разнообразия на примере лингвистической неоднородности рассмотрены далее.

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РАЗНООБРАЗИЯ

В многонациональных обществах часто возникает проблема общего языка. Если доля людей, владеющих одновременно несколькими языками, сравнительно невелика, общество распадается на относительно слабо связанные между собой группы, что ставит преграды взаимопониманию между представителями данных групп и может приводить к конфликтам. Для смягчения данной проблемы государство обычно вводит стандарты использования тех или иных языков, в том числе фиксируя число официальных языков. История знает много примеров такой стандартизации, включая Российскую империю, Индию, Шри-Ланку. Однако политика введения ограниченного числа официальных языков – в частном случае – одного государственного языка на всей территории крупной страны или конфедерации – приводит к фактическому ущемлению прав и интересов тех, кто ими (им) не владеет (Ginsburgh, Weber, 2005). Нахождение компромисса между эффективностью взаимодействия различных групп в результате использования официальных языков и субъективным ощущением ущемления среди людей, не знающих ни одного официального языка, является достаточно сложной задачей в многонациональных странах или межэтнических союзах.

Лингвисты, генетики и социологи предлагают различные способы оценки “расстояний” между выделенными по тем или иным признакам группами (Cavalli-Sforza, 2000; Felbermayr, Toubal, 2007; Hofstede, 2001; Schwartz, 2014). Стоит отметить, что аналогичные конструкции можно применять и для оценки других социально-экономических и культурных эффектов, например для оценки миграции (Chiswick, Miller, 2007; Beine et al., 2011), в описании международной торговли (Melitz, 2008; Gokmen, 2012), качества литературных переводов (Ginsburgh et al., 2011), в том числе – объяснении мотивов голосования зрителей на конкурсе песни “Евровидение” (Ginsburgh, Noury, 2008).

Представленные в (Ginsburgh, Weber, 2011) индексы лингвистической неоднородности сочетают три основные категории измерения (число групп, их численность, меры близости групп) с разной степенью их интенсивности, варьируемой в зависимости от целей конкретного исследования.

Рассмотрим общество, состоящее из K различных групп, каждая из которых говорит на своем языке. Обозначим через s_1, \dots, s_K доли населения соответствующих групп $1, \dots, K$. Учитывая, что все доли неотрицательны, а их сумма равна 1, мы можем интерпретировать их как вероятности того, что случайно выбранный член общества относится к соответствующей группе. Тогда вероятность того, что случайно выбранная пара людей знает один и тот же язык, равна $s_1^2 + \dots + s_K^2$. Отметим, что данная сумма формально совпадает с широко известным в теории отраслевых рынков индексом Херфиндала–Хиршмана. Напротив, вероятность того, что два случайно выбранных члена общества принадлежат разным группам, составляет $ELF = 1 - (s_1^2 + \dots + s_K^2)$.

Первое формальное описание данного индекса было введено К. Джини (Gini, 1912) применительно к измерению неравенства в доходах. Дж. Гринберг (Greenberg, 1956) предложил рассматривать величину ELF как индекс лингвистического разнообразия в описанном выше сообществе, состоящем из K групп.

Простейший индекс ELF , опирающийся только на относительную распространенность языков в обществе, не учитывает возможности владения несколькими языками, а также сложности овладения языком другой группы. Используя подход И. Дайена (Dyen et al., 1992), потенциальную возможность коммуникации на чужом языке можно оценить долей r_{ij} совпадающих (или близких) корней 200 наиболее употребительных слов для каждой пары рассматриваемых языков i, j . Тогда мы можем считать, что с вероятностью r_{ij} пара людей из разных групп i, j сможет осуществить коммуникацию, и полная вероятность общения двух произвольно взятых членов общества становится равной $\sum_{i,j} s_i s_j r_{ij}$. Очевидно, при $i = j$ следует полагать $r_{ij} = 1$.

Оценивая сложность коммуникации на чужом языке величиной $d_{ij} = 1 - r_{ij}$, нетрудно, по аналогии с *ELF*, описать степень разнородности общества величиной $1 - \sum_{i,j} s_i s_j (1 - d_{ij})$ или, в более удобной форме, $GI = \sum_{i,j} s_i s_j d_{ij}$.

Величина *GI*, известная как взвешенный индекс Гринберга, обладает лучшими формальными математическими свойствами и точнее описывает состояние неоднородного общества, чем упомянутый выше индекс *ELF*. Однако построение индекса *GI* предполагает возможность коммуникации всех членов общества между собой, что не учитывает возможного численного превосходства одной или нескольких групп, территориального размещения представителей разных групп и прочих факторов.

Для того чтобы уловить более тонкие эффекты взаимодействия неоднородного населения, на основе *ELF* и *GI* строятся новые индексы, уточняющие структуру коммуникации представителей различных групп общества. Одним из достаточно важных частных случаев является так называемый периферийный индекс разнообразия, *PI*, отражающий конструкцию “центр–периферия”, когда одна из групп, назовем ее *c*, по тем или иным причинам занимает центральное положение, а остальные группы *i* становятся периферийными. Потенциал конфликта “центр–периферия” в этом случае должен содержать только коммуникации центральной группы со всеми периферийными, но не коммуникации периферийных групп между собой: $PI = \sum_i s_c s_i d_{ci}$ (Desmet et al., 2009).

Наконец, роль центра может определяться не только его относительными размерами, но быть усилена или ослаблена распределением населения по существующим группам. Отследить данный эффект позволяет индекс доминирования $DOM = \sum_i D_i s_c s_i r_{ci}$, в котором коэффициенты D_i , зависящие от распределения долей (s_1, \dots, s_k), доопределяются на основании теоретических и эмпирических аргументов в зависимости от целей конкретного исследования.

Все указанные индексы играют роль не только в непосредственном описании степени разнообразия конкретного общества, но также могут активно использоваться в различных межрегиональных и межстрановых исследованиях в качестве контрольных переменных при построении эконометрических моделей социально-экономического развития отдельных регионов, стран или межстрановых союзов. Примеры таких исследований приведены далее.

РАЗНООБРАЗИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Изучению разнообразия и социальных взаимодействий с фокусом на экономике и обществе России посвящена деятельность Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, созданной в июле 2013 г. при поддержке Правительства РФ в рамках Постановления № 220 от 9 апреля 2010 г. Приведем краткое описание некоторых результатов, полученных сотрудниками Лаборатории в 2013 г.

Предложено обобщенное представление класса индексов языкового разнообразия. Эмпирически обоснован новый индекс периферийного лингвистического разнообразия, позволяющий явно учитывать расстояние между этнолингвистическими группами и получать статистически значимые оценки влияния этнолингвистического разнообразия на способы и степень перераспределения доходов в неоднородном обществе. Выявлены факторы и особенности лингвистического и географического разнообразия в сети Интернет на примере языков народов России. Предложены методы структурирования информации и формального описания рынка контекстной рекламы в поисковых системах в сети Интернет.

Изучение новейшей истории российской экономики позволило выявить институциональные факторы советского периода, продолжающие влиять на современное социально-экономическое развитие России: наряду с очевидными экзогенными факторами неоднородности (географическая протяженность и площадь территории, климатические условия, многочисленность этно-

сов и культур) важную роль в современном социально-экономическом развитии России играют технологические и инфраструктурные диспропорции, а также институциональные привычки, сформировавшиеся в экономике и обществе России в советский период и по-прежнему существенно воздействующие на социально-экономическое развитие. Использование региональных данных позволило статистически обосновать положительную связь между уровнем межличностного доверия населения и основными параметрами социально-экономического развития России.

На примере российских регионов эмпирически подтверждено статистически значимое влияние распространения информации в социальных сетях на склонность агентов к коллективным действиям. Показано, что активность такого участия положительно зависит от общего уровня социального капитала, а также от частоты и глубины взаимного общения в виртуальных социальных сетях.

Предложена новая теоретическая модель влияния неоднородности населения на угрозы отделения территорий, отражающая баланс между экономией масштаба от производства общественных благ и конфликтами, связанными с разнообразием предпочтений. Введение эндогенных пороговых ограничений, отвечающих за монетарные и немонетарные стимулы к отделению, выявило дополнительный рычаг воздействия, позволяющий укрепить целостность государства за счет инвестирования в немонетарные стимулы. К таким стимулам относятся: инвестирование с отложенными во времени потоками доходов, управление миграцией на территории региона, расширение политических полномочий региона. На основании данных по 57 странам за период с 1970 по 1999 г. подтверждена гипотеза о положительной связи между числом гражданских конфликтов и величиной этнолингвистического разнообразия населения. Выявлено нелинейное влияние региональных трансфертов на число конфликтов: по мере роста этнолингвистического разнообразия трансферты сначала снижают, а затем повышают вероятность возникновения новых конфликтов.

Проведен сравнительный анализ участия России, Украины и Германии в проектах сохранения окружающей среды с учетом факторов разнообразия. Показано, что различия в социально-экономических характеристиках и исходных условиях стран, проводящих совместные проекты, связанные с разрешением глобальных проблем сохранения окружающей среды, определяют структуру возникающих взаимоотношений и распределение активности участия между всеми потенциальными агентами взаимодействия. Выделена особая роль России в реализации механизмов совместного осуществления проектов в соответствии с “Рамочной конвенцией ООН об изменении климата”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многообразие форм жизни и деятельности определяет сущность и эстетическое наполнение нашего мира. Современная экономическая наука достигла достаточного уровня формализации для успешного описания разнообразных процессов человеческой деятельности как на уровне классических экономических задач производства, распределения и обмена, так и на уровне межличностного, межгруппового или даже глобального социального взаимодействия.

Форм проявления разнообразия – достаточно много, и они охватывают практически все сферы деятельности человека – от конкуренции на отдельном рынке до крупных социально-политических, этнических или экологических проблем. В их решении могут использоваться различные современные методы и подходы, выбор которых определяется первичными причинами проявления неоднородностей.

В дополнение к основному материалу данной работы стоит отметить, что порождаемые разнообразием конфликты во многом могут быть формализованы и, в той или иной степени, решены с помощью аппарата теории игр. Достаточно важную роль в изучении факторов проявления неоднородностей играют также значимые исторические события, влияющие на институциональные особенности исследуемых сообществ. Анализ социально-экономического развития России, оценка влияния кризисов, подходы к решению экологических проблем, а также возможности

формирования новых эмпирических баз исследования разнообразных факторов неоднородности общества позволяют формулировать практические рекомендации и улучшать управляемость российской экономики и социума.

Одними из самых важных параметров дифференциации мирового сообщества или его отдельных групп являются этническая, языковая и религиозная принадлежности. Подтвержденная теоретическими и эмпирическими исследованиями значимость этнолингвистической дифференциации общества ориентирует на создание новых механизмов преодоления возникающих конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атлас народов мира (1964). М.: Главное управление геодезии и картографии Государственного геологического комитета СССР и Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР.
- Alesina A., Baqir R., Easterly W.** (1999). Public Goods and Ethnic Divisions // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 114. No. 4. P. 1243–1284.
- Alesina A., Devleeschouwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R.** (2003). Fractionalization // *Journal of Economic Growth*. Vol. 8. No. 2. P. 155–194.
- Alesina A., Zhuravskaya E.** (2011). Segregation and the Quality of Government in a Cross-section of Countries // *American Economic Review*. Vol. 101. No. 5. P. 1872–1911.
- Beine M., Docquier F., Ozden C.** (2011). Diasporas // *Journal of Development Economics*. Vol. 95. No. 1. P. 30–41.
- Bretton H.** (1976). Political Science, Language, and Politics. In: W.M. O’Barr, J.F. O’Barr (eds.) “*Language and Politics*”. The Hague: Mouton.
- Cavalli-Sforza L.L.** (2000). Genes, Peoples, and Languages. Berkeley: University of California Press.
- Chiswick B., Miller P.** (2007). The Economics of Language. International Analyses. L., N.Y.: Routledge.
- Desmet K., Ortuno-Ortin I., Weber S.** (2009). Linguistic Diversity and Redistribution // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 7. No. 6. P. 1291–1318.
- Dyen I., Kruskal J.B., Black P.** (1992). An Indo-European Classification: A Lexicostatistical Experiment // *Transactions of the American Philosophical Society*. Vol. 82. No. 5. P. 1–132.
- Easterly W., Levine R.** (1997). Africa’s Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 112. No. 4. P. 1203–1250.
- Fearon J.** (2003). Ethnic and Cultural Diversity by Country // *Journal of Economic Growth*. Vol. 8. No. 2. P. 195–222.
- Felbermayr G., Toubal F.** (2007): Cultural Proximity and Trade // *European Economic Review*. Vol. 54. No. 2. P. 279–293.
- Florida R.** (2002). The Rise of the Creative Class. N.Y.: Basic Books.
- Gini C.** (1912). Variabilita e Mutabilita // *Studi Economico-Giuridici della R. Universitadi Cagliari*. Vol. 3. P. 3–159.
- Ginsburgh V., Noury A.** (2008). The Eurovision Song Contest. Is Voting Political or Cultural? // *European Journal of Political Economy*. Vol. 24. No. 1. P. 41–52.
- Ginsburgh V., Weber S.** (2005). Language Disenfranchisement in the European Union // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 43. No. 2. P. 273–286.
- Ginsburgh V., Weber S.** (2011). How Many Languages Do We Need? The Economics of Linguistic Diversity. Princeton: Princeton University Press.
- Ginsburgh V., Weber S., Weyers S.** (2011). The Economics of Literary Translation. A Simple Theory and Evidence // *Poetics*. Vol. 39. No. 3. P. 228–246.
- Gokmen G.** (2012). A Test of Huntington’s Thesis // *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*. Vol. 18. No. 3. P. 1–18.
- Greenberg J.** (1956). The Measurement of Linguistic Diversity // *Language*. Vol. 32. No. 1. P. 109–115.

- Hechter M.** (1974). The Political Economy of Ethnic Change // *American Journal of Sociology*. Vol. 79. No. 5. P. 1151–1178.
- Hofstede G.** (2001). *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. Beverly Hills: Sage.
- La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W.** (1999). The Quality of Government // *Journal of Law, Economics and Organization*. Vol. 15. No. 1. P. 222–279.
- Mauro P.** (1995). Corruption and Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 110. No. 3. P. 681–712.
- Melitz J.** (2008). Language and Foreign Trade // *European Economic Review*. Vol. 52. No. 4. P. 667–699.
- Michalopoulos S.** (2012). The Origins of Ethnolinguistic Diversity // *American Economic Review*. Vol. 102. No. 4. P. 1508–1539.
- Muller S.** (1964). *The World's Living Languages*. N.Y.: Frederick Ungar.
- Odum E., Odum H.** (1953). *Fundamentals of Ecology*. Philadelphia: W.B. Saunders.
- Ottaviano G., Peri G.** (2006). The Economic Value of Cultural Diversity. Evidence from US Cities // *Journal of Economic Geography*. Vol. 6. No. 1. P. 9–44.
- Posner D.** (2004). Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // *American Journal of Political Science*. Vol. 48. No. 4. P. 849–863.
- Roberts J.** (1962). Socio-cultural Change and Communication Problems. In Frank Rice (ed.) *“Study of the Role of Second Languages in Asia, Africa, and Latin America”*. Washington: Center for Applied Linguistics of the Modern Language Association of America.
- Saxenian A.L.** (1999). *Silicon Valley's New Immigrant Entrepreneurs*. San Francisco: Public Policy Institute of California.
- Schwartz S.** (2014). National Culture as Value Orientations: Consequences and Cultural Distance. In: *“The Handbook of the Economics of Art and Culture”*. Ginsburgh V., Throsby D. (eds.). Vol. 2. Amsterdam, N.Y.: Elsevier.

Поступила в редакцию
16.04.2014 г.

Economics of Diversity: Ideas, Methods, Results

S. Weber, D.V. Davydov

Considered modern ideas and methods for studying diversity from the economic point of view. Starting from historical, social, political and cultural aspects, the authors focus on the economic approach that helps to reveal main paths of diversity influence on economic and social development of the nations. Some latest researches and results, achieved in 2013 by the New Economic School Center for the Studying of Diversity and Social Interactions are analyzed.

Keywords: diversity, economic development, globalization, ethno-linguistic fractionalization, diversity indices.

JEL Classification: F63, J15, Z10.